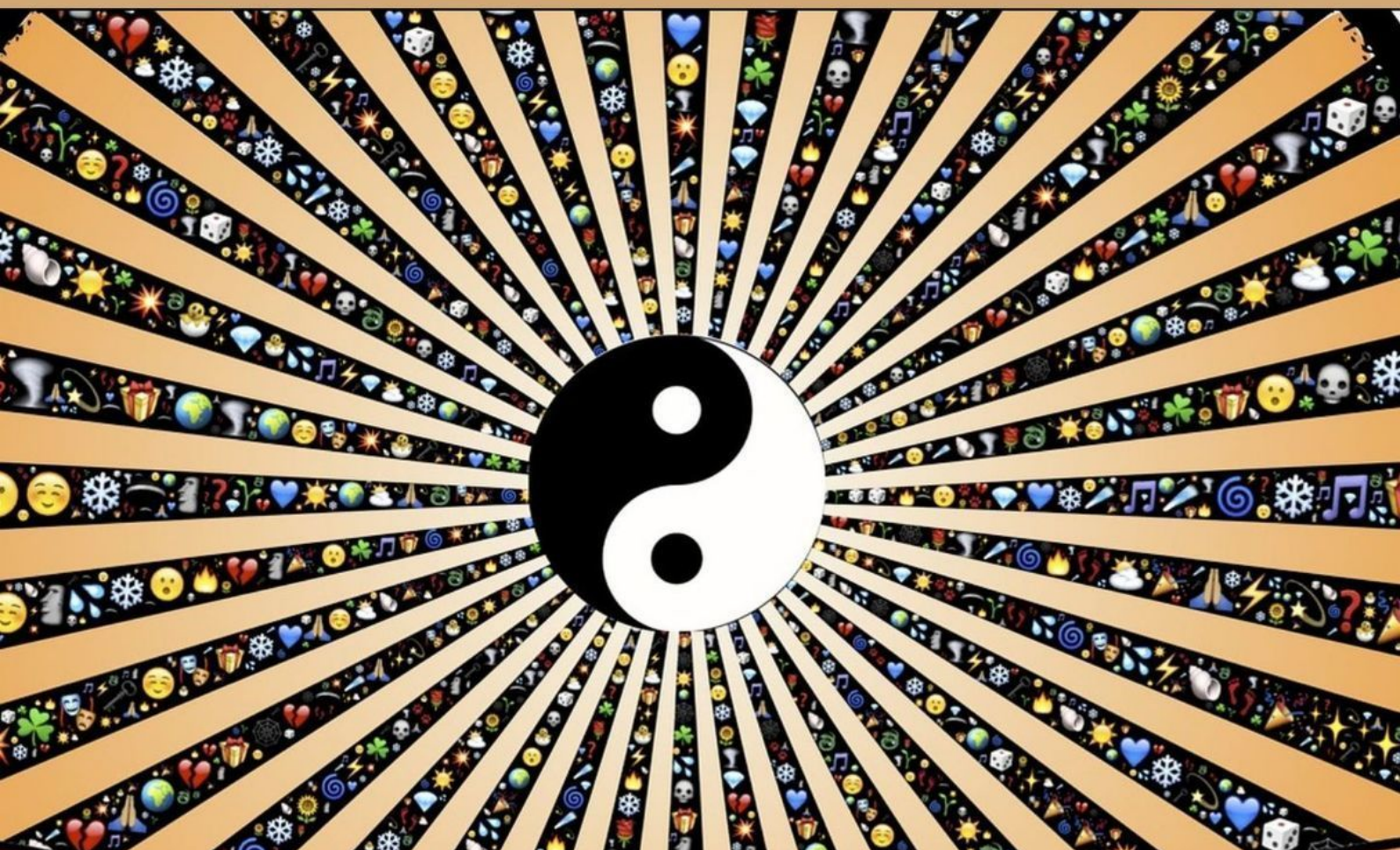


Артур Круг

О былом и настоящем

Исповедь российского немца



Артур Круг

**О былом и настоящем.
Исповедь российского немца**

«Издательские решения»

Круг А. А.

О былом и настоящем. Исповедь российского немца /
А. А. Круг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935051-0

Моя новая книга «О былом и настоящем» о трагических эпизодах из сельской жизни детей репрессированных родителей во время войны, о моей собственной судьбе и моих родственниках. О сверстниках, друзьях, наставниках по учебе, армейской службе и работе. В ней рассказывается о легендарных личностях из истории России, Германии и Казахстана, бывших и нынешних руководителях, об известных и малоизвестных событиях и фактах, свидетелем, очевидцем и участником которых я был сам.

ISBN 978-5-44-935051-0

© Круг А. А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ГЛАВА 1 ДЕТИ ВОЙНЫ	7
ГЛАВА 2 ПАРТИЙНАЯ ЧЕХАРДА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

О былом и настоящем Исповедь российского немца

Артур Александрович Круг

© Артур Александрович Круг, 2018

ISBN 978-5-4493-5051-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



ОТ АВТОРА

Моя новая книга «О былом и настоящем» – это попытка дополнить, расширить и углубить воспоминания и дневниковые заметки «В долгу у прошлого», опубликованные в прошлом году в издательстве «Ридеро» и размещенные в интернет-магазинах Amazon, Ozon и «ЛитРес».

Она о трагических эпизодах из сельской жизни детей репрессированных родителей во время войны, о судьбе моих родственников и моей собственной. О сверстниках, друзьях, наставниках по учебе, армейской службе и работе. В ней рассказывается о легендарных личностях из истории России, Германии и Казахстана, бывших и нынешних руководителей, об известных и малоизвестных фактах и событиях, свидетелем, очевидцем и участником которых я был сам.

В книге шесть глав: «Дети войны», «Партийная чехарда», «Национальная принадлежность», «Казахский менталитет», «Русские и немцы», «Колесо фортуны», – написанных по заметкам в записных книжках из личного архива. Книга, как исповедь, передает мои личные впечатления, ощущения и переживания, навеянные временем.

К сожалению, нынешняя молодежь интересуется далеко не историей и литературой, а чаще всего боевиками и компьютерными играми. С помощью интернета им открывается мир, оторванный от реальной действительности. И чтобы преодолеть эти опасности, надо запечатлеть то, что было, помочь разобраться в нем, предостеречь от ошибок прошлого.

Как российский немец, несколько лет проживший в Германии, в главе «Русские и немцы» делюсь мыслью о том, что поверженное чувство собственного достоинства и растоптанная в войне эгоистическая любовь немцев к самим себе сотворили германское экономическое чудо и нам в России важно не впустить в наши души эгоизм победителя, обрекая себя на попытки возвеличиться на словах, а не на деле.

Тешу себя робкой надеждой и скромным желанием принять участие в возведении неких опор будущего моста между двумя великими народами и странами.

Книга проиллюстрирована фотографиями, документами, письмами отца-политработника с фронта, где он под Киевом в августе 1941 года пропал без вести.

г. Курган, август 2018 года

Артур Круг

ГЛАВА 1 ДЕТИ ВОЙНЫ

*Мы – дети страшных лет России —
забыть не в силах ничего.
Александр Блок*

Война. Дети трагических лет Второй мировой. Дети погибших и пропавших без вести отцов. Маленькие герои большой войны. Труженики тыла. Дети национальных меньшинств, незаконно, по надуманному предлогу, подвергшиеся репрессиям и выселенные из родных мест. Насильно вывезенные вместе с родителями в бескрайние степные просторы Казахстана, Сибири и Средней Азии. Те, кто сами, на свой страх и риск, пробивали себе дорогу, приспособливались, чтобы выжить. О них написаны повести, сложены стихи. Поэт, испытав на себе все тяготы войны, великая дочь грузинского и русского народов Тамара Гвердцители:

«Вихрем огненным, черным вороном
Налетела неожиданно война.
Разбросала нас во все стороны,
С детством нас разлучив навсегда».

Детство. Повзрослевшее детство, наполненное тяжелыми испытаниями. Но это было! Было в истории нашей большой страны, было в судьбах маленьких детей – обыкновенных мальчишек и девчонок.

В автобиографической повести «Ночевала тучка золотая» Анатолий Приставкин с поразительной достоверностью и эмоциональным накалом поведал о горькой судьбе детей из подмосковного детдома в период войны, о том, как в жестоком и беспощадном мире живут ни в чем не повинные дети, как ломаются их судьбы. Одних отправляли на юг, других, жителей Кавказа, на север и восток.

Герой повести, детдомовец, рассказывает о странных вагонах, которые он увидел в тупике за водокачкой. Как из зарешеченных окон слышал детские голоса: «Он поднял голову – это были глаза, одни глаза то ли мальчика, то ли девочки. Черные блестящие глаза, а потом рот, язык, губы. Этот рот тянулся наружу и произносил лишь один странный звук: «Хи» (по-чеченски «вода»). «Хи!», «Хи!» – закричали голоса, и вдруг ожило деревянное нутро вагона. В решетки впились детские ручки, другие глаза, другие рты, они менялись, будто отталкивали друг друга, и вместе с тем нарастал странный гул голосов, словно забурчало в утробе у слона... И тут неведомо откуда объявился вооруженный солдат: «Не шуметь! Чечмеки! Кому говорят! Чтобы ти-хо!».

Грозный сорок первый год. Год моего рождения. Сказался ли он на моей судьбе? Конечно, да! И не только на моей, а на судьбе десятков, сотен моих сверстников, на долю которых выпали годы нищеты, горя, страданий, связанных с ощущением какой-то моральной вины взрослых за то, в чем они вовсе были неповинны. А дети тем более:

«Ломтик черного хлеба слаще всяких конфет.
Хорошо, если было кое-что на обед.
Босоное детство без игрушек и яств.
Жили все по-соседски и компанией братств».
Это четверостишие пришло на ум неизвестно откуда.

Станция Россоши Саратовской области. По рассказам родственников, в один из вагонов поезда для перевозки скота было втиснуто десять семей немцев-переселенцев, в том числе и наша. Под пристальным надзором энкавэдэшников, которые вели поголовный учет и контроль. Баулы, чемоданы, мешки. Женщины с детьми, старики. Ни скамеек, ни стульев. Теснота, скученность. Спали на соломе, на корточках, сидя. Нужду справляли тут же – в приспособ-

собранных парашах по углам. Питались тем, что в спешке смогли взять с собой. На остановках выходить разрешалось только в сопровождении караула. Поезд брал курс куда-то на восток. Куда – никто не знал. И только на одиннадцатые сутки пути на одном из полустанков на севере Казахстана вагон был отцеплен и поступила команда: «Выгружаться!» Кончились муки долгого пути, начались новые – по обустройству.

Село Николаевка, куда предстоял путь, находилось в семидесяти километрах от железнодорожной станции. Позже стало известно, что это была отдаленная захолустная деревня – центр колхоза, куда входили отделения под причудливыми названиями Райгородок, Обломовка, Неверовка. Село, основанное в годы реформ Столыпина по созданию хуторов, почти сплошь было заселено переселенцами из Украины. Название получило в честь последнего русского императора Николая Второго. Неказистые постройки – чаще дома-мазанки – располагались вдоль берега казахской речушки Арчалы и образовывали улицы Долгая, Церковная, Прицепиловка. Из украинских старожилов здесь были семьи Анишука, Зарвы, Кононца, Кубрушки, Куницы, Перетятко, Павлюков, Полонских и других.

По селу прошли колчаковцы. Об этом напоминал установленный на центральной площади обелиск. На нем имена погибших односельчан. Отдельно располагались колхозный двор, правление колхоза, ток, ферма, конюшня, маслозавод. Зимой здесь было безграничное снежное море, летом – знойные пыльные бури и тишина полей, их загадочное молчание.

Теперь к старым переселенцам-столыпинцам прибавились новые – сталинско-бериевские. Кроме нашего большого семейства деда Майера, сюда прибыли семьи Брикманов, Баумов, Гаасов, Лоренцев, Райхелей, Зелей и других.

Это были женщины, старики, дети, инвалиды. Вся здоровая часть села и переселенцев была на фронтах, в трудармиях. Бронь распространялась на тех, кто оказался в правлении колхоза, сельском совете, в надзорных ведомствах. Появились комендатуры. Доносительство, подозрительность, стукачество расцветали пышным цветом. Мама рассказывала, что ее столкнули с лестницы сельского совета за то, что она отказалась написать донос на немца-переселенца: он якобы возмущался действиями милиционеров в пути следования.

Детвора немцев-переселенцев из Поволжья. В селе, куда мы попали, были десятки таких же голодных и оборванных. Мы не понимали, что такое война, над нашими детскими головами не рвались снаряды и бомбы, но мы познали, что такое голод и холод, унижения и побои.

Нас ловил за уши местный комендант, когда мы умудрялись добывать на крыше конторы голубиные яйца, хлестал кнутом объездчик, когда обнаруживал на поле, набивающих сумки подсолнухами, догонял извозчик и давал тумаков за то, что мы забирались на телеги с зерном, которое он доставлял с тока в амбары, набирали в карманы по несколько горстей пшеницы и быстро разбегались.

Местные украинки вопили на кучеров: «Та шо ж ты такое робышь? Та цэ ж, дытына! Ой, горюшко-горэ».

Весной ходили по колоски. Колосовать – это собирать оставшиеся либо осенью, на убранных полях, либо по весне на ушедших под зиму полосах колосья.

Уходили обычно рано утром, чтобы как можно дольше быть при деле. Хорошо, если колоски придавливались снегом: за день можно было нашелушить два-три килограмма зерна, что хватало на лепешки на неделю. Держались поближе к лесным околкам: боялись объездчика. Его стерегли по дороге, но он появлялся всегда неожиданно там, где его не ждали. Чаще это был так называемый мельтон, нанятый представитель милиции или оперативный работник. Убегающих сек кнутом сверху, сидя на лошади, нередко полосовал спину в клетку. Один из таких битых был мой друг и сосед по несчастью Андрей Баум. Он рассказывал, что две недели на брюхе спал. Опер хвалился в районе, что битый им год воровать не будет.

Вспоминается и такой случай. Мама, чтобы накормить нас, детей, как-то набрала на колхозном току маленький мешочек зерна и хотела унести домой, но не тут-то было. Страж порядка заметил это и составил протокол. По законам военного времени это была тюрьма. Мама проплакала всю ночь. Ее сестра утром решила пойти к участковому. Милиционер давно присмотрел кареглазую красавицу-немку, согласился порвать протокол, если она окажет ему внимание и услугу – достанет водки, что было нелегко. Выручила знакомая продавщица из соседнего казахского села. С вниманием было легче, и дело благополучно замяли.

Ожидание мамы домой с работы превращалось в пытку. Зимой, на промерзших в кулак стеклах окон, мы выдували теплом своего духа отверстие и устремляли взоры на улицу в ожидании ее с дневной или ночной смены с чем-нибудь съестным.

А зимы в ту пору были лютые. Помнится зимний вечер с ужасным ураганом. К утру мы ощутили сплошной сумрак в доме, как со двора поднимается какое-то невероятно громадное облако, и поняли: это снежный завал, которым занесло нас за ночь и от которого откапывались весь день.

Осознание голода пришло к четырем-пяти годам. Дома было шаром покати. Мама старалась как могла. На ручной терке, состоящей из двух камней – верхний с ручкой и лункой посередине, в которую насыпали горсти зерна, – вращением добывали муку, просеивали ее на сите, очищая от шелухи, делали из муки тесто, пекли лепешки. Благо в доме была печка, которую растапливали сначала соломой, затем кизяком. Печка частенько дымила, наполняя комнату угарным газом. После войны мама приобрела корову, которую тоже надо было чем-то кормить, чтобы получить хотя бы два-три литра молока. Позже удалось приобрести поросенка. Он тоже доставлял немало хлопот.

В колхозе в годы войны катастрофически не хватало рабочих рук. Мне было пять лет, когда таких мальцов, как я, на местном маслозаводе сажали на монотонно шагающую по кругу лошадь, которая вращала цилиндрическую емкость с молоком, чтобы сбить его в масло. Это сидение на лошади в жару продолжалось часами, попка стиралась до крови. И это за стакан молока, горсть творога или кружку обрат.

В детстве меня дразнили: «Рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой». Наиболее агрессивных из немецкой детворы обзывали фашистами. Обидчиков мы наказывали: забрасывали камнями, загоняли в помещение фермы. В кормушках вылавливали, навешивали тумачков и пинками в зад вынуждали обращаться в бегство и каяться, что больше так обзывать никто не будет никогда.

Окончание войны и День Победы помню смутно. По громкоговорителю с площади доносились какая-то необычно торжественная музыка. Запомнился дедушка, одетый по-праздничному. Вернувшись оттуда, он раздал нам, внукам, встречавшим его, конфеты-подушечки. Это случалось только по торжественным дням. Значит, повод был.

Событием для нас, детворы, стало возвращение с войны фронтовиков с наградами. Дядя Саша вернулся из трудармии без наград. Мрачный, худой, бледный, с воспалением легких. По утрам заводил свой трактор. Он натруженно пыхтел, когда тяга пускателя вырывалась из его опухших рук. В селе мы им гордились. Был лучшим трактористом. Позже принимал участие в освоении целины. Она тогда гремела на всю страну.

Пополнение появилось и в нашей семье. По настоянию бабушки мама (от отца с фронта, кроме двух коротких писем, никаких вестей не было) приняла в семью детей старшей сестры, умершей в конце войны в Красноярском крае, куда была сослана. Я теперь оказался в распаднице троих девиц – двоюродных сестер Лели, Лили, Риммы. К тому же к маме привязался, к ее несчастью, и их отец, тоже вернувшийся из трудармии.

Фортуна распорядилась так, что у нее от него народилось еще четверо детей, один из которых – Володя – умер в раннем детстве от тифа, а трех дочерей Тому, Олю и Любу

мама вырастила практически сама. Отчим вел замкнутую жизнь, беспробудно пил, домашним хозяйством не занимался, пока в 1951 году не угодил в тюрьму.

У местных украинцев к тому времени были уже добротные дома с деревянными полами, палисадниками. Мы же, немцы-переселенцы, жили в обветшалых постройках, землянках-мазанках, крытых соломой, с глиняными полами, низкими без ставен окнами.

Старый дом. Под соломенной крышей соседствовали ласточки, приклеившие свои гнезда прямо под входной дверью. В зиму они улетали в теплые края, а весной радовали нас своим возвращением. Сарай, две небольшие комнаты, прихожая, кухня, спальня, стол, шкаф, кровать, печка с лежанкой, где смотрел свои детские сны сначала я один, а теперь со своими сестрами и вскоре уже с родившимся сразу после войны братом Вовой и сестрой Тamarой. Образовалась многодетная семья сердобольной мамы, которая взвалила на свои хрупкие плечи ответственность за ее благополучие. Никакой помощи от государства не было: колхоз был идеален с точки зрения принудиловки – с жертвами от репрессий и голодомором.

1951 год. Отчим в тюрьме. Мама в отчаянии. Отравился чем-то съестным Вовка, вмиг покрылся желтыми пятнами и умер. Это была моя первая встреча с реальной смертью, которая грозила нам всем. Деревенская голодуха той весной была особенно лютой. Каждое утро мы, десятки деревенских ребятишек – школьников, компаниями выходили за огороды и разбегались по ближайшим полосам, чтобы собрать оставшиеся с осени колоски и докопать прошлогоднюю картошку. В голод зима всегда ранняя. Прикрытые ботвой вороха картошки ушли под снег и к весне сгнили. Нас похвалили за помощь колхозу, а бригадира за бесхозяйственность посадили.

Весна избавляла нас от холода и голода. Зато различных насекомых за зиму в захудалом доме заводились много. Особенно уютно они чувствовали себя в моей рыжей шевелюре, которую мать по утрам расчесывала специальным гребешком, изготовленным дедом. Да и не только у меня, но и у моих сводных сестер, прибывших во время войны с севера. Когда они, уже будучи взрослыми и самостоятельными, не всегда оказывали маме должного, на ее взгляд, внимания, она напоминала им об этом, что вызывало у них раздражение, а у нее воспоминания о том, что ногти ее – вместо маникюра – окрашивались в алый цвет от ежедневной борьбы с этими назойливыми существами.

Весной на конном дворе объезжали молодых жеребцов: председатель колхоза Злачевский был большим любителем лошадей. Нас, наиболее смелых и отчаянных подростков, местный конюх немец Виллош запускать в загон, садил верхом на занузданного в удила взбесившегося к весне молодого скакуна, отдавал поводья, и ты оказывался один на один с ним, вцепившись в гриву. Счастье, если кому-то удавалось удержаться два-три круга, на встающей на дыбы, виляющей задом и норовившей тебя непременно сбросить непокорной молодой лошади. Победителям можно было это испытание повторить.

На школьных каникулах учетчики в бригадах уговаривали нас, подростков, поработать в уборку на соломокопнителях или прицепщиками на тракторах. Сначала трусили, что можно угодить под плуг, потом побаивались, что не сможем поднять лемеха на краю гона. Кружилась голова, если долго смотреть на ползущую под ногами пашню. Самая трудная часть работы прицепщика – следить за агрегатом, на ходу чистить его от сырого грунта, чтобы лемеха плуга шли ровно по глубине, не скоблили землю, а работали в полный отвал. Работа, как на копнителе комбайна: либо пыльная в год засушливый, либо сноровистая, когда соломы невпроворот. С копнителя солому надо было складывать строго в ряд. Учетчик мог проверить, придраться и тогда ничего не заработаешь. Чаще всего бывало, что получали только то, что досыта наедались в бригадной столовой.

Частенько в нашем селе останавливался цыганский табор. Приезжал он не с пустыми руками. Куры и петухи, пойманные в соседних селах, шли на борщ. Варился он в больших котлах и был очень вкусным. А к вечеру старые цыганки устраивали гадания. Приходили в основ-

ном женщины, желающие узнать, что их ждет в жизни. Приходила погадать на отца и мама. «Твой муж живой, скоро вернется!» – мама вздрогнула и одарила ее платком. Я тоже протянул руку. «Ты, дружок, с собой удачу носишь!» – пророчествовала цыганка, окинув меня взглядом и увидев, что в правой руке у меня был узелок с картофелинами для цыганского костра в знак благодарности за гадания.

Что такое «носить удачу», я тогда не понимал и не мог себе представить. Уже глубоким вечером, в деревенской тиши, усевшись вокруг костра, цыганский табор начинал свой песенный рассказ. Чего здесь только не было: страстные напевы, роковая любовь, грусть и радость кочевой жизни.

Цыгане вносили оживление в жизнь села. Может быть, какие-то дворы не досчитывали кур, зато в душе послевоенных вдов гадания вселяли надежду.

Была у нас в селе своя местная колдунья. Звали ее баба Марфа. Эта странная горбатая старая женщина с крючковатым носом, всегда в черном, с деревянным посохом, выходила из дома редко. Куда-то уходила и вновь возвращалась. Мы от нее прятались, побаивались. Ходили слухи, что она заманивает к себе детей, чтобы потом что-то с ними сделать. Жила она затворницей, богомольной. Родственников у нее, как говорили в селе, никого в живых не осталось.

Как-то, когда ее не было дома, мы, любопытные варвары, заглянули в окошко ее коморки, где она жила, и – о ужас! – угол комнаты занимал огромный крест, а посреди помещения стоял обитый черным материалом гроб, прикрытый крышкой. К моменту смерти у нее все было подготовлено заранее. Предчувствие ее не подвело. Через несколько дней старушки не стало.

В селе все дороги вели к речке. Здесь мы купались, загорали, сюда по утрам выгоняли коров, поливали капусту, ныряли на дальность, на праздник Ивана Купалы прыгали через костер.

Ранняя весна 1953 года. На речке ледоход. Для нас, детворы, это явление долгожданное. Лед трещит. Лыдины наползают друг на друга. Ледовая чехарда. Мы запрыгивали на середину отколовшейся части, и нас куда-то уносило.

Опять новость. В ночь на воскресенье убили сторожа Жоху. В субботу привезли в контору долгожданную зарплату. Какие-то злоумышленники это выследили, ночью проникли в помещение, убили добродушного, всем знакомого старика, инвалида войны, взломали сейф и забрали деньги. Поползли слухи – один страшнее другого. Нагрянула милиция, начались допросы, обыски. Подозрение пало на местных мужиков, в том числе и на мужа маминой сестры. Кто-то из соседей видел на его одежде какие-то следы крови и донес. Его арестовали, увезли в райцентр, две недели дотошно пытали, в том числе и жену: где ночью был, что делал и т. п. Отпустили только через три месяца: экспертиза не подтвердила соответствие группы крови. Дело закрыли, а бандитов так и не нашли.

Сторожа Жоху хоронили всем селом как раз в дни, когда по радио сообщили о смерти Сталина. В школе прошла линейка. Нас всех настолько взволновали слова директора, что многие проронили слезу. Центральная усадьба колхоза, который носил его имя, погрузилась в траур. Но кто больше оплакивал в селе смерть заслуженного односельчанина, инвалида войны, а кто смерть вождя, для нас было тайной какого-то рокового совпадения этих двух смертей.

Чтобы пережить свалившееся горе в рабкооп привезли спиртное. Но оно все разошлось по начальству, поллитровка досталась и нашему деду за лояльность и мастеровитость: мог и гроб сколотить, и оградку сделать, и кошевку председателя отремонтировать, и сбрую починить – мог все. Сторожа Жоху знал и жалел. О Сталине предпочитал молчать. Нас, внуков, поучал: «Научился говорить – значит вырос, научился молчать – значит поумнел».

Во второй половине 50-х годов многие селяне, оправившись от войны, начали строить новые дома. Построил дом и дед. Хаты с завалинкой под соломенной крышей стали уступать место просторным домам под шифером.

Стены и потолки обмазывали всем миром за угощение. В ход шел самогон. Устав, шли к накрытому столу: первая рюмка снимала усталость, вторая – укрепляла обмазанные стены, а после третьей вырывалась на волю украинская песня. А когда доходила очередь до песни «Распрягайте, хлопцы, конэй», нам, детям, надо было за что-то держаться. От мощного звучания этой песни можно было не устоять на месте.

После войны в домах появились патефоны, из которых раздавалось:

«Эх, дороги, пыль да туман,

Холода, тревоги да степной бурьян».

Это состояние природы я с детства впитывал в себя, и оно не отпускает меня и поныне.

В те непростые времена в селе из-за отсутствия общественной бани (в Николаевке она появилась только в 70-е годы) мужики на нашей улице объединились и построили частную баню. Называлась наша улица Церковной (название улицы осталось, хотя церковь в 20-е годы была разрушена). Баня появилась у бабы Чумачки и ее сыновей Проньки и Виктора.

Пронька погиб поздней осенью во время уборки. Очищая забившийся работающий подборщик от осенней грязи, он нечаянно зацепился за вращающийся маховик комбайна, и его затянуло вместе с одеждой под него. Произошла еще одна трагедия. Хоронили его всем селом. Гроб несли на руках до самого кладбища.

В это время я был на каникулах дома. Мучил радикулит. Выразил соболезнования его семье и брату. Витя Чумак был моим другом и на удивление отличным банщиком. Он пригласил меня в баню, повел в парную. В руке у него был дубовый веник – сам делал! По пути окунул его в холодную воду, потом хорошо встряхнул, чтобы влаги не осталось, подал мне. Уткнувшись в него лицом, можно было дышать в парной, когда тебя окутывал сильный жар. Появилась мята. Он разложил меня на полке, окунал веник в кипяток и быстро переносил его на мое тело. Листья прилипали к бокам, к спине, к позвоночнику, раскаляли до боли кожу. Но видно в том и было искусство, что банщик знал меру, границу! Страсть к бане осталась на всю жизнь.

А печка русская, знакомая с детства! Однажды на соревнованиях по лыжам я простудился, зачихал, сопли текли из носа, поднялась температура. Мой тренер привел меня в избу с русской печкой. Хозяин налил мне чарку водочки, уложил на прогретую печь, накрыл шубой, и к утру я был как огурчик. Русская печь, как и баня на Руси, – спасение от всякой хвори. А того, у кого на селе ее нет, в народе недаром нарекли беспечным...

А как не вспомнить братьев Александра и Василия Куниц? Жили на берегу речки с матерью. Держали гусей, имели хороший дом. Делились добром. По-доброму относились к нам, немцам-переселенцам. Гордились тем, что их дяде Алексею Сергеевичу Кунице в 1944 году посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Мы с интересом слушали, когда они рассказывали о том, что в октябре 1943 года он участвовал в боях за удержание плацдарма на западном берегу Днепра, получил два ранения, но продолжал сражаться. 10 октября 1943 года он погиб в бою, похоронен в селе Сосновка Сумской области на Украине. Позднее николаевской школе было присвоено имя героя-земляка Куницы А. С., где я учился, а затем в 60-е годы мы вместе с женой работали преподавателями.

Односельчане-фронтовики о немцах, как правило, отзывались уклончиво. Наш свояк Владимир Николаевич Чумак был призван в армию уже в конце войны. Первоклассный водитель, которому не было равных в селе (любые бураны ему были нипочем), сумел и там отличиться. Попал в войска Первого Украинского фронта, и ему посчастливилось 25 апреля 1945 года в качестве водителя командира одной из частей принять участие во встрече на Эльбе с американцами.

Об этом он рассказывал с упоением, а когда его спрашивали, как же война с немцами, смущался: «Та бачив их. Було дило! Но ни одного нимца нэ убыв». Наш преподаватель математики в школе, Трифон Илларионович Тимко, прилично знал немецкий язык, по слухам, побывал в немецком плену, ему удалось бежать, но об этом предпочитал вообще не вспоминать. Некоторые же с ненавистью говорили о немцах, иногда по пьянке позволяли себе оскорбления и в адрес местных. Эти настроения подогревались наличием комендатуры, под надзором которой все немецкое население от мала до велика в глухой казахской степи находилось долгих пятнадцать лет.

Всю войну мама ждала отца с фронта: может, вернется. Не вернулся и после войны. Предсказания цыганки не сбылись.

В моем архиве хранятся два письма отца: одно бабушке, его матери Анне Адамовне Круг, по штемпелю от 27 июня 1941 года, в первые пять дней войны, когда он уже в составе Пятой воздушной армии в качестве политрука был в Киеве, и другое – родителям мамы, дедушке и бабушке, с которыми у него были самые теплые отношения. Они его любили, как родного, и он им платил тем же. К сожалению, последнее тоже из Киева.

Вот эти письма.

Первое в переводе от 27 июня 1941 года:

«Дорогая мама! Сообщаю, что сегодня я прибыл в Киев – удивительно прекрасный город. Я здоров и готов нести уничтожающий удар диким фашистским варварам и навсегда освободить немецкий пролетариат от фашизма. Наша героическая Красная Армия и наш сплоченный советский народ уничтожат эту пьяную гитлеровскую банду и выйдут победителями в этой Отечественной войне. Передайте всем друзьям и знакомым мой горячий привет и наилучшие пожелания.

Обнимаю и целую. Ваш сын Саша».

Второе в переводе от 23 августа 1941 года:

«Дорогие мои родные! Накануне я отправил Марихен (так он называл мою маму Марию) весточку и хочу и вам быстро сообщить, что я все еще жив и здоров, хотя довольно часто оказывался в сложных жизненных ситуациях. Вчера я отправил Марихен мои денежные сбережения (мама говорила, что эти переводы к ней не дошли) и попросил ее, чтобы она вам непременно помогла.

Я несколько дней находился на передовой, получил день отдыха и нахожусь сейчас в Киеве. Писем от вас и Марихен пока не получал, несмотря на то, что часто вам пишу. Пишите коротко и ничего лишнего, сразу. Мой сердечный привет всем-всем!

Целую. Ваш Саша».

На этом связь с отцом прекратилась. Только через годы в районный военкомат после неоднократных запросов и обращений в различные ведомства Министерства обороны, Главное политуправление, Международный Красный Крест пришло извещение о том, что мой отец, политрук Круг Александр Яковлевич, пропал без вести в августе 1941 года под Киевом. Бабушка по линии отца, его мама, оказавшись выселенной из места проживания (жила одна, без мужа, это был ее единственный сын) в Сибирь, потом, по настоянию мамы, переехала к нам в Казахстан. Она с печалью причитала все время, сколько ее помню: «Знала бы, где могила сына, может, легче бы стало». К горю матерей подобная участь была уготована сотням тысяч бойцов (точной цифры до сих пор нет), пропавших без вести на полях сражений, не похороненных и не оплаканных, как полагается.

С этим пришлось всю жизнь жить и мне. В одном из писем – откликов на мои статьи в газетах о судьбе отца – ветераны тогда еще нашего Киева вспоминали о зверствах и расправах гитлеровцев и бандеровцев над комиссарами.

«Привезли пленного политрука. Его несколько суток пытали. Кажется, шел допрос! Только и разговоров было об этом политруке. Он так и умер от нечеловеческих пыток». Не постигла ли такая участь и моего отца?

Поэт А. Т. Твардовский передал свою боль о погибших и пропавших без вести на войне:

«Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,
Речь не о том, но все же, все же, все же...»

Мы обязаны нашим родителям за огромные жертвы, море слез, бед и горя, за то, что мы выжили и живем сейчас.

Мама для меня была всегда совсем особым человеком. Я вырос без отца и с младенческих лет нес великое бремя моей неизменной любви к ней за ее жертвенность, мужественность и благородство. Сколько горестных дней она пережила. Сколько слез пролила. Сколько несчастья выпало на ее долю.

В далекой казахской степи, овдовевшая, она взвалила на свои плечи груз ответственности за судьбу детей старшей сестры, своих собственных детей, внука – инвалида ее старшей дочери от второго брака, – вынесла неимоверные страдания, вызванные трагическими обстоятельствами военного и послевоенного времени.

Все, что испорчено, испорчено у нас, как правило, на хороших основаниях. Мы все, взрослые и дети, страстно верили в социальный и культурный прогресс родной деревни, опирающийся на колхозную экономику, фундамент которой строился на бедах и нищете миллионов людей. Вспоминается монолог деда Щукаря из романа Шолохова «Поднятая целина», который я читал со сцены сельского клуба под восторженные возгласы односельчан: «Мне в крестьянской бытности не было удачи. С малства моя жизнь пошла наперекосяк, и так до последних времен. Меня кубыть ветром несло всю жизнь. И то скособочит, то ударит об какой предмет, а то и вовсе ушибет к едреной матери»...

А сколько таких Щукарей, изломанных судеб родила советская власть и колхозная деревня. Не счесть. Женщин выгоняли на работу. Отрывали от детей. Тетя Лиза, когда ее муж был в трудармии, а она осталась одна с бабушкой и бабушкой и двумя грудными детьми, всю жизнь таила обиду на бригадира за то, что тот огрел ее за непослушание кнутом.

История России, как печально заметил Салтыков-Щедрин, написана в суровых жизненных тонах, а потому не терпит культурной европейской середины. «У нас так – либо позвольте поцеловать вам ручку, либо в харю его, в харю».

Власть «законом о пяти колосках» не подпускала колхозника к его хлебу. Зерно горело в буртах на току, на сотнях примитивных складах, гнило под открытым небом. Колхозные буренки давали по 1200 литров молока, в частном подворье в два раза больше. Доярки пели песни, скотники воровали комбикорм, начальство пьянствовало, а дело стояло. Оставь скотину у хозяина – и стране, и человеку было бы лучше!

Запомнился анекдот, его рассказывали с оглядкой, шепотом: «Ехали господа великие – Черчилль, Рузвельт и Сталин – по России, а на дороге бык стоит. Стоит и не дает им проехать. Черчилль вышел из машины и кричит быку: «Эй, посторонись, а то линкор пришлю!» Бык ни с места. Рузвельт тоже кричит, мол, не сойдешь с дороги, так я тебя, дурака, из летающей крепости разбомблю. Уперся бык, не хочет американцу уступать. А лучший друг рабочих и крестьян вышел и шепнул ему на ухо что-то, и тот, задрав хвост, понесся – аж пыль столбом. Господа великие Черчилль и Рузвельт спрашивают Сталина: «Что ты ему там наговорил такого, что он испугался больше линкоров и бомб?» А Сталин отвечает: «Ничего особенного. Я сказал, что если он не уберется, не сойдет с дороги, я его в колхоз отдам!»

Было бы смешно, если бы не было так грустно!

И все же трудности сельской жизни, ее романтика только закалила нас, детей военных лет. Я с удовольствием вспоминаю сверстников, моих друзей детства, с которыми мы делили и шишки и пышки: Андрея Баума, Костю Майера, Андрея Брикмана, Виктора Райхеля, Александра Лоренца и многих других, а также друзей местных переселенцев – столыпинцев, – выходцев из Украины: Владимира Перетятко, Александра и Василия Куниц, Николая Лемеша, Василия Дробота и других.

Мои одноклассники Валя Бондаренко, Светлана Тимко, Нина Сlepко, Эмма Райхель, сводные и двоюродные братья и сестры – Лиля Бонн, Эмма Шван, Роза и Артур Майеры, Оля Гаас, Оля Зель – закончили вузы и успешно трудились на различных должностях в сфере экономики и культуры Казахстана и России.

Александр Майер стал главным инженером совхоза «Веденовский». Александр Куница был секретарем Краснодарского крайкома комсомола, в последнее время работал в здравницах края, его брат Василий занимался проблемой мелиорации севера Казахстана. Оля Шестакова (Гаас) окончила отделение журналистики МГУ, работала в журнале «Русский балет». Я до развала СССР и КПСС был инструктором политотдела по комсомольской работе корпуса Дальней авиации, окончил отделение печати, радио и телевидения Алма-Атинской ВППШ, работал в областном центре, в Щучинском и в двух отдаленных целинных районах бывшей Кокчетавской области на севере Казахстана.

Нас, детей войны, особенно ветеранов войны, с каждым годом становится все меньше и меньше. Мне было больно смотреть на полупустые трибуны в Кургане в День Победы 9 мая 2018 года, когда я шагал с портретом отца в рядах «Бессмертного полка».

Ветеранов войны уже можно пересчитать по пальцам. Не густо осталось и детей войны, тех, чей возраст уже перевалил далеко за семьдесят. И тем грустнее отметить тот факт, что внесенный в Госдуму законопроект о льготах детям войны не находит поддержки уже четвертый раз. Думцев эти тяготы не постигли. Они сполна пожинают плоды победы, устанавливая себе, как слугам народа, запредельные жалования.

Прав Г. А. Зюганов, когда не устает повторять, что все мы в неоплатном долгу перед тем поколением, чье детство пришлось на тяжелейшие военные годы. А толку-то что?

Не оказались ли мы в плену чудовищной фразы, которую якобы как-то произнес по какому поводу И. В. Сталин: «Есть человек, есть проблема, нет человека – нет проблемы».

И все же будем тешиться надеждой, что все в конце концов образумится и на нашей многострадальной земле наступит справедливость и долгожданный мир, что на головы наших детей, внуков и правнуков не будут падать бомбы, а тишину домов, улиц и площадей будет взрывать только детский смех.

ГЛАВА 2 ПАРТИЙНАЯ ЧЕХАРДА

В чехарду мы играли в детстве. Было забавно. Поочередно прыгали друг через друга, один из нас стоял в согнутом положении или на четвереньках. Игра вызывала смех, веселье. Развивала ловкость, заводила толпу.

В отрочестве пришлось наблюдать, как в нее играют взрослые. Но это была уже совсем другая история. Серьезная игра с элементами неразберихи, беспорядка, путаницы, перестановок, интриг, особенно в кадрах, когда все фигуры на шахматной доске настолько обесценивались, что каждую из них можно было превратить в пешку. Иногда выходило и наоборот, когда она по мановению какой-то волшебной палочки, по чьей-то воле беспрепятственно достигала последней горизонтали и становилась конем, слоном, ладьей и даже ферзем.

Игра стоила свеч для избранных, для тех, кто попал в так называемую номенклатуру. Всесильная партийная номенклатура, установившая контроль за экономикой, политической и частной жизнью, над СМИ, подчинив все массовые общественные организации, отвергала любые реформы, стремилась сохранить режим, обеспечивающий ей власть, стабильность и широкие привилегии.

Сказание Н. С. Хрущева о Сталине на XX съезде КПСС стало для современников потрясением. По словам Ильи Эренбурга, писателя, журналиста, бывшего эмигранта, прославившего себя во время войны обращением «Убей немца», на заседании несколько делегатов упали в обморок. Как вспоминал Александр Яковлев, идеолог перестройки времен М. С. Горбачева, в зале стояла глубокая тишина. Не слышно было ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота. Никто не смотрел друг на друга – то ли от неожиданности, то ли от смущения и страха. Шок был невообразимо глубоким.

Говорят, не место красит человека, а человек место, но это не всегда так. Часто само место возносит человека, определяет его значение в глазах других, и вся его воля объясняется тем, что ему – по своему служебному положению – не так уж трудно быть «железным». Попробуй воспротивиться этой воле – в действие будет приведен весь находящийся в его руках аппарат, и того, кто задумал противиться, сотрут в одну минуту в порошок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.